

Б.С. Гладырев

ЭТНИЧЕСКИЕ МИГРАНТЫ НА УЛИЦАХ ПЕТЕРБУРГА

ГЛАДЫРЕВ Борис Сергеевич - кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (СПб). E-mail: avtor-07@yandex.ru

На примере Петербурга рассматриваются условия жизни этнических меньшинств и мигрантов, и прежде всего отношение к ним представителей различных органов власти, милиции. Выборочные проверки людей по этническому принципу является правилом, Зачастую поведение милиционера при проверке документов у лиц «кавказской» наружности характеризует грубость, нарушение законов, стремление заработать. При этом мотив материального обогащения выделяется как основной.

Ключевые слова: мигранты; этнические меньшинства; ксенофобия

По данным Всемирного Банка, с 2005 г. Россия по числу принимаемых мигрантов занимает второе место в мире после США⁵⁵. По разным оценкам, на территории РФ находится от 10 до 16 млн. мигрантов, большинство из которых приехали в Россию на заработки из безвизовых стран СНГ.

Пытаясь регулировать миграционный поток, власть опирается в основном на милицию и выделенную из нее в 2004 г. Федеральную миграционную службу⁵⁶. Иными словами, мигрантами в стране занимаются силовые структуры, что, как считают независимые эксперты, свидетельствует о репрессивном векторе миграционной политики, когда мигранты воспринимаются прежде всего как угроза общественной безопасности.

Анализ социологической литературы, материалов СМИ, а также докладов правозащитных

⁵⁵ Эксплуатация трудовых мигрантов в российском строительном секторе // Доклад Международной правозащитной организации Human Rights Watch 10 февраля 2009 года. <http://www.hrw.org/ru/reports/2009/02/0>

⁵⁶ 19.07.2004 президент РФ В.В. Путин подписал указы «Вопросы Министерства внутренних дел РФ» и «Вопросы Федеральной миграционной службы». Первым указом была изменена структура МВД, при этом полномочия министерства остались без изменений. Вторым указом была образована Федеральная миграционная служба (ФМС). Ей переданы функции паспортно-визовой службы и подразделения по делам миграции МВД. Фактически ФМС была создана путем выделения из МВД.

организаций дает основания говорить о распространенности в деятельности «стражей порядка» практик этнической дискриминации.

В 2003 г. на многочисленные факты этнически избирательного подхода в работе милиции указал российскому правительству Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации. В докладе подчеркивалось, что «ООН озабочена сообщениями об избирательных, по расовому признаку, проверках документов у представителей отдельных меньшинств, в том числе народов Кавказа и Средней Азии»⁵⁷. Упоминания о распространенности ксенофобских практик в деятельности милиции содержатся в докладе «Международной Амнистии» 2006 г., а также в отчете о положении мигрантов в России, подготовленном НКО «Гражданское содействие» и Международной федерацией по правам человека (FIDH) в 2007 г. В 2009 г. эксперты Human Rights Watch констатируют, что «усилия российских

Казани и Санкт-Петербурге» (2006-2008 гг.)⁵⁸ был задуман и реализован для того, чтобы эмпирически проверить уровень расизма и ксенофобии «людей в милицейских погонах», работающих с иноэтничным населением на улицах. В фокусе внимания оказались две замкнутые и труднодоступные для наблюдения социальные группы — профессиональное сообщество милиционеров и гетерогенная группа представителей этнических меньшинств, в большой степени состоящая из трудовых мигрантов⁵⁹.

Задачи, поставленные в проекте, требовали использования качественных методов исследования, поскольку количественные методы несенситивны к тонким категориям, способным «раскрыть скрытые субъективные смыслы, или механизмы функционирования социальной практики»⁶⁰. Чтобы адекватно интерпретировать смысл социальных действий в ходе повседневной рутинной работы сотрудников милиции, необходимо было непосредственно наблюдать, как ведут себя милиционеры с представителями этнических меньшинств, а также получить интерпретации ситуации самих участников этого

⁵⁷ Этнически избирательный подход в действиях милиции в московском метро. – М.: Новая юстиция. 2006. – С.620.

⁵⁸ Проект был поддержан фондом Дж. и К. МакАртуров, участники проекта: В. Воронков, Б. Гладарев, О. Максимова, П. Мейлахс, Л. Сагитова, Е. Ходжаева и Ж. Цинман.

⁵⁹ Полевые исследования трудовых мигрантов из стран Средней Азии и Кавказа связаны с ограничениями доступа к информантам, поскольку обычно представители этой социальной группы живут изолированно, имеют очень мало свободного от работы времени и часто плохо владеют русским языком.

⁶⁰ Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию: Учеб. пособие для студентов вузов / Ин-т социологии РАН. – М.: Добросвет, 1998. - С.13.

взаимодействия. Поэтому, помимо наблюдения, наша полевая работа включала в себя интервью с милиционерами, представителями этнических меньшинств и экспертами. Для расширения контекста и углубления интерпретаций собранные материалы дополнялись качественным контент-анализом СМИ за период с 2006 по 2008 гг.

В статье используются данные 19 интервью с представителями различных этнических меньшинств (выходцев из стран Средней Азии и Кавказа), 22 глубинных интервью с сотрудниками петербургской милиции, а также с эксперта (среди опрошенных начальники отделов милиции, с лидеры азербайджанской диаспоры, журналисты, пишущие о милиции, правозащитники и два юриста, защищающие права представителей этнических меньшинств).

Анализ эмпирических данных позволяет выявить несколько наиболее типичных ситуаций социального взаимодействия между сотрудниками милиции общественной безопасности (МОБ)⁶¹ и гражданами, отличающимися от «славянского» фенотипа. Кратко описав эти ситуации, мы сможем выделить принципиальные моменты, их характеризующие.

Этнически избирательный подход при проверке документов. Наиболее распространенная форма социального взаимодействия, которая имеет место между уличными «стражами порядка» и представителями этнических меньшинств, – практика этнически избирательной проверки документов.

Тот факт, что антропологические признаки являются одними из основных при выделении лиц, подвергающихся проверке документов, подтверждают высказывания самих сотрудников милиции: *«Этнических мы проверяем регулярно. Это еще с 90-х годов началось... то ли в 94-ом, то ли в 96-ом пошли ориентировки на них. Террористическая угроза и все такое»* (36 лет, сержант). Этнически избирательный подход воспринимался милиционерами как рутинный элемент ежедневной работы: *«Конечно, в первую очередь обращают внимание на внешние признаки. Внешние признаки сразу отличаются от славянской национальности. Прежде всего это то, что доступно для сотрудника милиции рядового»,* — объясняет 30-летний участковый.

На распространенность практики этнически избирательного подхода указывают многие

⁶¹ МОБ – самое крупное по кадровому составу подразделение МВД. В состав милиции общественной безопасности входят служба участковых, патрульно-постовая служба, ГИБДД, служба по делам несовершеннолетних (ПДН) и подразделения милиции вневедомственной охраны. Для обеспечения общественной безопасности различным службам МОБ делегирован широкий спектр полномочий, которые заставляют их чаще и интенсивнее других правоохранительных служб контактировать с гражданами, что определяет особенное значение МОБ как объекта социологического исследования.

исследователи. Например, эксперт правозащитного центра «Мемориал» А. Осипов пишет: «милицейский контроль над соблюдением режима регистрации нередко носит избирательный по этническому признаку характер. Проверяют и задерживают прежде всего тех, в ком можно заподозрить приезжих и кто выглядит не как большинство»⁶². Схожее утверждение принадлежит О. Щедриной: «Антропологические признаки являются одними из основных при классификации населения и выделении групп»⁶³, а также авторам исследования АНО «Юрикс»: «Мониторинг, проведенный в московском метро, показал, что лица, визуально воспринимаемые как выходцы с Кавказа или из Средней Азии, доля которых среди всех пассажиров метро не превышала 4,6%, составили 50,9% граждан, останавливаемых милицией. Иными словами, у них вероятность быть остановленными милицией была в 21,8 раза выше, чем у остальных»⁶⁴.

Немотивированные задержания и насилие в отношении иноэтничного населения. Вторая из зафиксированных нами практик взаимодействия милиции с представителями этнических меньшинств тесно связана с расово избирательной проверкой документов. Собранные эмпирические данные, дополненные примерами из отчетов и докладов правозащитников, позволяют говорить о том, что выходцы из стран Средней Азии и Кавказа подвергаются немотивированным с правовой точки зрения задержаниям и даже насилию со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Полученные нами данные указывают на то, что незаконные задержания иногда сопровождаются психологическим или физическим насилием по отношению к задержанным⁶⁵. Как правило, милиционеры занимаются рукоприкладством в двух случаях. Во-первых, если цель незаконного задержания (обычно вымогательство денег) не достигнута

⁶² Осипов А.Г. Этническая и расовая нетерпимость и дискриминация // Правозащитное движение России: коллективный портрет. – М.: ОГИ, 2004, – С.81-91.

⁶³ Щедрина О.В. Возможности использования принципов мультикультурализма в практике поддержания правопорядка в полиэтнических городах: автореф. дис. ... канд. социол. наук : спец. 23.00.02 "Полит. ин-ты, этнополит. конфликтология, нац. и полит. процессы и технологии. - М., 2005. - 26 с.

⁶⁴ Этнически избирательный подход в действиях милиции в московском метро. – М.: Новая юстиция. 2006. – С.7.

⁶⁵ Об этом же говорят результаты количественных исследований. Например, опрос среди работников милиции 41 города России 2006 года, проведенный сотрудниками Левада-центра, демонстрирует, что «большинство милиционеров готовы применять насилие по отношению к подозреваемым или выходцам с Кавказа». Прежде всего, по мнению социологов, насилию в милиции подвергаются следующие группы населения: «приезжие с Кавказа» (67%), «подозреваемые» (63%), «оскорбляющие милицию» (60%) и «иностранцы» (40%). (См.: Милиция любит насилие // Газета.Ru 2006. 15 февр.).

и, во-вторых, когда задержанный пытается отстаивать свои права.

Регулярные операции МВД по борьбе с нелегальной миграцией. Третья типичная ситуация взаимодействия сотрудников МОБ с иноэтничным населением возникает в случае инициирования государством очередной политической кампании, окрашенной в этнические тона. Каждый раз, когда политики начинают разыгрывать «национальную карту», МВД активно включается в игру, осуществляя силовое давление на ту или иную этническую группу: в конце 1990-х это были чеченцы, а в 2006 г. давление переориентировалось на выходцев из Грузии. В результате введения ограничений на право торговли для иностранных граждан в 2007 г.⁶⁶ участились «зачистки» рынков от нелегальных мигрантов. Кроме того, МВД регулярно проводятся операции по борьбе с нелегальной миграцией с громкими названиями «Нелегал», «Паспорт» и т.п. В ходе таких операций, согласно спускаемому министерством плану, сотрудники МОБ должны задержать и оштрафовать определенное количество нелегальных мигрантов. Чтобы соответствовать распоряжениям начальства, сотрудники милиции предпринимают облавы по месту жительства или работы гастарбайтеров.

Фабрикация (фальсификация) дел в отношении представителей этнических меньшинств. Следующая практика, зафиксированная при взаимодействии сотрудников милиции и иноэтничного населения, касается случаев фальсификации протоколов или фабрикация дел об административных правонарушениях на основании этнической принадлежности. Так, массив наших интервью содержит историю петербуржца азербайджанского происхождения, которому инкриминировали хулиганские действия на студенческой дискотеке, рассказ о попытке «навесить» уголовное дело на адвоката грузинского происхождения, которая имела место во время недавнего российско-грузинского конфликта, а также многочисленные примеры фальсификаций административных протоколов сотрудниками ППС, незаконно задерживающих гастарбайтеров.

Грубость как профессиональный стиль. Анализ условий функционирования милиции общественной безопасности, а также современной системы формирования кадров МОБ показал, что на настоящий момент подразделения МОБ укомплектованы далеко не самыми подготовленными и образованными сотрудниками. Низкий престиж профессии,

⁶⁶ Постановление Правительства РФ № 683 «Об установлении на 2007 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли на территории Российской Федерации» от 15 ноября 2006 г., которое запретило иностранным гражданам осуществлять розничную торговлю алкогольными напитками, включая пиво, и фармацевтическими товарами.

усугубляющийся маленькими зарплатами и плохой социальной защищенностью сотрудников, порождает перманентный кадровый голод в МОБ, что вынуждает кадровые отделы МВД брать на работу людей с низким мотивационным и культурным потенциалом. Наши данные содержат массу свидетельств того, что грубость по-прежнему остается «фирменным стилем» работы милиции общественной безопасности. Приведем для иллюстрации этого тезиса высказывание, характеризующее типичного сотрудника МОБ: *«Милиционер — это последний человек, с которым я хотел бы встретиться сегодня. Потому что сегодня милиционер — это дикий русский колхозник, который в большой город приехал за большой деньгой. У него это колхозное... лезет ото всюду. В общем, хамство сплошное»* (34 года, этнический азербайджанец, научный сотрудник). И еще одно мнение: *«Я вижу милиционера как человека мало образованного, как правило, приехавшего из провинции, набравшегося каких-то комплексов, например, в армии и отыгрывающего эти комплексы на всех: «вот били меня в армии, а теперь я вам всем покажу». То есть это человек серьезно озлобленный на окружающий мир. Плюс эту озлобленность укрепляет тяжелое материальное положение»* (33 года, адвокат, специализирующийся на защите прав этнических меньшинств).

Основные принципы социального взаимодействия милиционера и этнического мигранта. Этнически избирательный подход при проверке документов, незаконные задержания и насилие в отношении иноэтничного населения, фальсификации (фабрикация) административных дел и протоколов в отношении представителей этнических меньшинств, помноженные на регулярные операции МВД по борьбе с нелегальной миграцией, часто осуществляемые с процессуальными нарушениями и в подчеркнуто грубой форме, создают у представителей этнических меньшинств устойчивые фобии в отношении сотрудников МОБ.

Анализ типичных ситуаций взаимодействия между милиционерами и этническими меньшинствами на улицах Петербурга выявил следующие принципиальные особенности. Во-первых, подавляющее число ситуаций носит вынужденный характер для представителей этнических меньшинств. Во-вторых, эти интеракции отличаются ассиметричным властным балансом: милиционер почти всегда доминирует над этническим гастарбайтером. И, в-третьих, вступая в интеракции с людьми «неславянского» фенотипа, милиционеры одновременно выступают в роли представителя государственной власти, и, если можно так выразиться, «от себя лично». Сложный механизм переключения этих ролей в ситуациях непосредственного взаимодействия, по сути, является главным источником, порождающим дискриминационные практики.

Сравнительный анализ материалов интервью этнических меньшинств и милиционеров позволяет выделить три механизма, провоцирующих сотрудников МОБ на дискриминацию людей «неславянского» фенотипа: 1) внутриведомственные механизмы (доминирование приказа над законом, низкий уровень правовой культуры, количественная система оценки эффективности работы милиционеров и их опыт участия в политических кампаниях ксенофобского толка); 2) психологические механизмы (усвоение этнически окрашенной ведомственной статистики, дополненные интериоризацией ксенофобских установок, транслируемых СМИ, личный негативный опыт взаимодействия с представителями этнических меньшинств); 3) экономические механизмы (иноэтническое население - источник дополнительных доходов для сотрудников МОБ).

Говоря о природе ксенофобии «стражей порядка», нельзя преуменьшать значение факторов институционального и психологического характера, однако в сравнительной степени их совокупное влияние уступает «громкому зову» материальной мотивации. Более того, мы склонны предполагать, что иногда, рассуждая в интервью об этнически дискриминационных приказах начальства, вспоминая личный негативный опыт взаимодействия с меньшинствами, пересыпая свою речь расхожими ксенофобскими штампами, многие рядовые сотрудники милиции дискурсивно маскируют свой основной мотив: *этнические меньшинства являются для милиционеров источником дохода.*

Один из экспертов, человек с большим личным опытом службы в МВД, достаточно ясно выразил эту мысль: *«Я думаю, что у многих ксенофобские настроения — это система самозащиты. То есть надо себя оправдать, да? И для этого выдумывается некое там: «А, черножопые понаехали, и поэтому мне жизни нет!» И здесь, конечно, экономический интерес, он первичен. Может, и есть исключения, но те исключения, которые стремятся к нулю. Но основная мотивация сугубо материальная»* (45 лет, журналист, бывший сотрудник милиции).

Судя по интервью с представителями этнических меньшинств, по их мнению, материальный мотив является одним из основных, если не единственным, для отправления милиционерами этнически дискриминационных практик: *«Милиционеры живут с нас. Собирают деньги, как дань с неграмотных таджиков... Просто зарабатывают так»* (32 лет, этнический таджик, водитель маршрутного такси); *«С милицией все деньгами решается. Ну а как еще!»* (40 лет, этнический узбек, строитель), или: *«Когда милиционер останавливает, я стараюсь всегда решить вопрос на месте. На месте дешевле: отдал 200--300 рублей и*

дальше пошел» (43 года, этнический узбек, механик).

Резюмируя представленные выше рассуждения, подчеркнем четыре важных момента, характеризующих сложную природу взаимодействия между сотрудниками МОБ и представителями этнических меньшинств в контексте текущих трансформаций социального порядка в российском обществе.

1. И представители меньшинств, и эксперты, и даже сами милиционеры признают, что дискриминационные практики милиционеров по отношению к людям отличающимся от «славянского фенотипа», имеют прежде всего экономические основания. Не отрицая возможного подпитывания ксенофобских практик из институциональных или социопсихологических источников, мы должны признать их вторичность по сравнению с мотивами материального обогащения. Милиционеры озабочены в первую очередь благополучием своих семей, а вопросы «культурной экспансии», «захвата рабочих мест» и «особой склонности этнических мигрантов к криминалу» являются лишь фоном для милицейских «квазианалогов» с гастарбайтеров⁶⁷.

2. И сотрудники милиции, и большинство, избираемых ими представителей этнических меньшинств воспринимают существующую ситуацию распределения ролей, а также правила, по которым разыгрывается социальное взаимодействие между ними, в качестве предзаданных, устойчивых и даже неизменяемых условий сложившегося в России социального порядка. Ни жертвы дискриминации по этническому признаку, и уж тем более сами ее отправители не видят серьезных оснований для изменения «правил игры»⁶⁸. Первые, потому что не имеют возможностей для изменения ситуации, вторые, потому что существующий порядок их вполне устраивает.

3. Укорененность этнически дискриминационных практик в работе самого крупного кадрового подразделения МВД – милиции общественной безопасности – свидетельствует не о

⁶⁷ О доминировании экономической логики в капиталистических обществах много писал П. Бурдьё: «каждое поле имеет свою собственную логику и свою собственную иерархию, однако иерархия установленная между различными видами капитала... устроена так, что экономическое поле стремится навязать свою структуру другим полям» (Бурдьё. Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии. - 1992. - №1. - С 18).

⁶⁸ Говоря об устойчивости существующих между милиционерами и представителями этнических меньшинств «правил игры», опять же можно сослаться на П. Бурдьё, который писал, что они определяются «чувством позиции в социальном поле», которое есть «чувство того, что можно и чего нельзя «себе позволить» и заключает в себе негласное принятие своей позиции» (Бурдьё. Там же. - С. 21).

нарастании ксенофобских настроений в российском обществе, а об утрате обществом доверия к легитимности государственной власти, о массовом разочаровании в правовых способах регулирования социальных отношений. В стране так и не произошло «концентрации юридического капитала», которая, если следовать П. Бурдые, «служит основой специфического авторитета обладателей государственной власти», а в итоге «становится основанием для формирования автономного юридического поля». Анализ собранных нами эмпирических данных дает возможность говорить, что российские «обладатели государственной власти» (в нашем случае сотрудники МОБ) не имеют авторитета у населения, которое не верит в «автономность юридического поля» и реальность правовых гарантий, закрепленных законодательством. Ю. Левада в этой связи пишет о «рассеянном и беспомощном недовольстве» граждан перед лицом российской исполнительной власти⁶⁹.

4. Внеправовая логика «силового мышления» предполагает отсутствие единых и прозрачных «правил игры», поэтому каждый участник социального взаимодействия всякий раз по-новому взвешивает соотношение ресурсов, привлекаемых другими участниками. Это напоминает фильм А. Тарковского «Сталкер», где герои движутся вместе, но каждый к своей цели и по постоянно меняющейся местности.

Завершая анализ источников ксенофобских практик петербургских милиционеров, можно сформулировать объяснительную гипотезу, которая, безусловно, нуждается в уточнениях и проверках в ходе дальнейших исследований взаимодействия «стражей порядка» с нацменьшинствами. Суть гипотезы схвачена в цепочке следующих утверждений:

1) в условиях массовой утраты доверия к власти закона и развития «силовой логики», милиционеры воспринимают отдельные группы населения как ресурс для самообеспечения;

2) сотрудники милиции ориентируются на работу по методу «массового просеивания», объектами которого становятся представители социальных групп, отличающихся дефицитом всевозможных капиталов: молодежь, «новые бедные» и этнические мигранты;

3) ксенофобия «стражей порядка» выражается в дискриминации прежде всего по статусному признаку принадлежности к социально-уязвимым группам населения, а этнические признаки являются для милиционеров второстепенными.

Проявления ксенофобии – лишь один из видов милицейского произвола, такой произвол

⁶⁹ Газета.RU – 2006. 15 февраля.

может коснуться любых других групп, выделенных государственной властью в качестве «маргиналов» и «социально опасных элементов», т.е. лишенных легального статуса. Если, к примеру, в ближайший понедельник Государственная дума примет закон о «недопустимости ношения в публичных местах головных уборов красного цвета», а к среде его подпишет президент, то уже в четверг группа граждан «с головными уборами красного цвета» должна будет платить деньги каждому встречному сотруднику МОБ.

Литература

1. Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии. – 1992. – №1. – С. 18.
2. Осипов А.Г. Этническая и расовая нетерпимость и дискриминация // Правозащитное движение России: коллективный портрет. – М.: ОГИ, 2004, – С.81-91.
3. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию: Учеб. пособие для студентов вузов / Ин-т социологии РАН. – М.: Добросвет, 1998. - С.13.
4. Щедрина О.В. Возможности использования принципов мультикультурализма в практике поддержания правопорядка в полиэтнических городах: автореф. дис. ... канд. социол. наук : спец. 23.00.02 "Полит. ин-ты, этнополит. конфликтология, нац. и полит. процессы и технологии. - М., 2005. - 26 с.
5. Эксплуатация трудовых мигрантов в российском строительном секторе // Доклад Международной правозащитной организации Human Rights Watch 10 февраля 2009 года. <http://www.hrw.org/ru/reports/2009/02/0>
6. Этнически избирательный подход в действиях милиции в московском метро. – М.: Новая юстиция. 2006. – 360 с.

Н.Н. Комарова, Д.С. Филиппова, Д.О. Хлевнюк

МЕТАФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ КАК ПРЕДМЕТ СПЕЦИАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОЛОГОВ

Предлагаемый вниманию читателей материал представляет собой главу из готовящегося к изданию сборника “Теория социальных событий как язык социологических исследований”. Его авторы — стажеры-исследователи Центра фундаментальной социологии под руководством А. Филиппова

Проблема инкорпорирования функциональных объектов в повседневные социальные практики — одна из центральных проблем микросоциологии. В перспективе социологии повседневности технический объект предстает как неотъемлемый атрибут элементарных социальных взаимодействий. Объекты укореняются в социальных практиках, инкорпорируются в рутинные повседневные действия, становясь их конститутивными компонентами. Как писал Б. Латур, многие функции люди делегируют «не-человекам», а объектам, в свою очередь, это приводит к тому, что делегированные «не-человеки» структурируют наши повседневные действия⁷⁰. В результате социальные практики повседневности конституируются, исходя из логики функционирования объектов, требования которых берутся в расчет наравне с требованиями людей.

Значительный вклад в нынешние объектцентричные концепции внес И. Гофман. Вещи, по его мнению, как и люди, вовлечены во фреймы деятельности и имеют протяженную биографию. Биография в данном случае понимается как своего рода следы, которые они оставляют до и после определенного события. Это позволяет объектам формировать вещную обстановку, помогающую ориентироваться во фрейме и зачастую являющуюся одним из важнейших элементов его построения (вспомним религиозные артефакты)⁷¹. Еще одна важная для нас фигура в контексте данного исследования — Л. Сачмен. Она предлагает

⁷⁰ Латур Б. Об интеробъективности // Социология вещей. Сб. статей / Под ред. В. Вахштайна. - М.: : Издательский дом "Территория будущего", 2006. - С. 169–198.

⁷¹ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. - М.: Институт социологии РАН; ФОМ: 2004. – С. 68.

использовать для исследования отношений между людьми и машинами этнометодологический подход и конверс-анализ. В своей работе автор спорит с утверждением, что взаимодействия людей и машин происходят по плану — шаг за шагом — и что каждый шаг детерминирует действие. Согласно ее концепции ситуативного действия, планы репрезентируют действия, в то время как действия сами по себе не следуют из планов, но становятся результатом ситуаций действий⁷². В отличие от Латура, К. Кнорр-Цетина рассматривает объекты по отношению к индивиду и предполагает, что объектные отношения не столько дополняют человеческие отношения, сколько их заменяют. В анализе этих новых отношений автор опирается на работы Лакана и его идеи «по поводу субъекта как подлежащей структуры желаний». Рассматривая фондовый рынок и анализируя отношения между ним и людьми, работающими на фондовом рынке, Кнорр-Цетина приходит к выводу, что «социальность имеет место тогда, когда «субъект» в качестве структуры желания пропускает это желание через объект и возвращает его обратно»⁷³.

Социальные отношения становятся все более опосредованными техникой в силу того, что постоянное усовершенствование машин увеличивает их возможности, приводит ко все большей дифференцированности их функций, покрывающих все больше действий, которые раньше выполнялись исключительно человеком. Технологическое развитие подчинено логике функциональности — оно целесообразно, модернизация и усложнение окружающих нас объектов должно быть подчинено цели тех, кто их создает. Функциональность, о которой идет речь, можно условно назвать «линейной», так как она подразумевает, что вещь создается под удовлетворение определенной потребности. В нашей работе линейная функциональность противопоставляется метафункциональности. Этот термин ввел Жан Бодрийяр, описав его посредством предельной метафоры робота. Робот был для него неким мифическим объектом, к которому только стремились все известные ему технологические объекты. В пределе любая техника не должна создаваться под удовлетворение определенной потребности, т.е. обладать конечным набором функций. Робот отличается от обычной машины тем, что его основной функцией становится определение необходимой для выполнения в каждый конкретный момент функции. Таким образом, «миф о роботе вбирает в себя все пути бессознательного в сфере вещей»⁷⁴, а выход за пределы линейной функциональности и отмечается приставкой

⁷² Suchman L. *Human-Machine Reconfigurations. Plans and Situated Actions*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — 326 p.

⁷³ Кнорр-Цетина К. Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания. Социология вещей. Сборник статей. / Под ред. В. Вахштайна. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. — 390 с.

⁷⁴ Бодрийяр Ж. Система вещей. - М.: Рудомино, 1999. — 168 с.

мета-. Уход от взаимодействия ради удовлетворения функционально обозначенной потребности приводит Бодрийяра к понятию «воображаемая суть предмета». Под метафункциональным объектом понимается вещь, суть которой формируется в воображении человека, ею пользующегося, и именно воображение определяет ту функцию, которую он может выполнять для конкретного действующего субъекта. Вывод из этого рассуждения заключается в том, что вещи могут быть метафункциональными, в пределе понимания механистического становясь своего рода «роботами», предугадывающими желания хозяина. Однако в существующей повседневности под метафункциональным понимается все то, отказываясь от логики линейной функциональности технического прогресса, все равно обнаруживает для себя место в пространстве действий, соотносимым с человеческой психикой.

Мы берем это понятие, позволяющее, по мнению Бодрийяра, «заново рассмотреть имплицитно заложенное в нашем обществе представление о рациональности целей и средств в строе производства и в самом техническом проекте», для того, чтобы определить социальное место вещей, функциональное удобство которых представляется достаточно сомнительным, что не мешает им оставаться в практическом использовании.

Приведем пример. В настоящее время на улицах больших городов все чаще можно увидеть людей, фотографирующих на старые фотоаппараты. Несмотря на то, что «Зениты» и «Смены» давно уступили свою функциональную нишу цифровым и современным пленочным зеркальным фотоаппаратам, сегодня они снова становятся популярными. Что удерживает в социальных практиках вещи, которые потеряли свою функциональность в процессе технологического прогресса? Бодрийяр ответил бы на этот вопрос, апеллируя к индивидуальному человеческому воображению и бессознательному, однако распространенность наблюдаемого факта, на наш взгляд, делает подобный ответ неудовлетворительным. Нельзя говорить о сумме индивидуальных проявлений, складывающейся в поддерживаемую социальную практику. Исходя из известного принципа о том, что любое социальное нужно объяснять социальным, мы предполагаем, что нужно искать другие ответы. Самым простым может стать обоснование через ностальгию — ностальгию по «старому», по «советскому». Однако сразу возникает противоречие: большинство снимающих на старые фотоаппараты — молодые люди, которые никогда раньше ими не пользовались. Также можно было бы сказать, что устаревшие фотоаппараты становятся в один ряд со множеством других нефункциональных вещей, вернувшихся в нашу жизнь из-за того, что старина вошла в моду. Это достаточно правдоподобный ответ, однако он лишает фотоаппарат,

как вещь, своей индивидуальности, связанной со спецификой его использования. Мода — очень широкое явление, безусловно, играющее свою роль в возникновении данного феномена, но мы полагаем, что сводить причины использования множества различных вещей лишь к внешним причинам нельзя, так как конкретные характеристики вещей во многом определяют практики обращения с ними. Старый фотоаппарат отличается от старого граммофона хотя бы тем, что он не просто «потребляется», фотоаппарат производит продукт — фотографию, которая сочетает в себе отображение «новой» реальности «старыми» средствами.

Следовательно, необходимо *объяснять причины инкорпорирования подобных объектов в социальные практики*, исходя из логики устройства самих объектов. По крайней мере, на первом этапе изучение данного свойства социальных отношений требует последовательного рассмотрения различных частных ситуаций социальных практик субъект-объектного взаимодействия, не подчиняющихся очевидной целесообразности.

Обратившись к феномену использования людьми старых пленочных фотоаппаратов, произведенных в СССР или в других странах, мы преследовали две цели:

1. Составить язык описания практик использования старых фотоаппаратов (в создании некоторой понятийной базы для будущих исследований, если таковые будут проводиться).

2. Выявить смыслы, которые действующие субъекты вкладывают в такие практики.

Среди *задач* нашего исследования⁷⁵: изучить практики взаимодействия со старыми фотоаппаратами; выявить смыслы данных практик; определить отношение пользователей к старым фотоаппаратам; и установить причины обращения к подобной практике.

В основе исследования лежал ряд *положений*, которые необходимо эксплицировать перед анализом полученных данных.

1. Специфические действия и практики имеют для людей, снимающих на устаревшие фотоаппараты, определенные смыслы, связанные, в том числе, и с причинами использования.

2. Устаревшие фотоаппараты используются в определенных ситуациях, отличных от ситуаций использования современных фотоаппаратов.

3. Специфичность устройства фотоаппарата влияет на практики его использования.

⁷⁵ Исследование проводилось авторами в рамках практикума на факультете социологии ГУ-ВШЭ в 2007–2008 учебном году под руководством В.С. Вахштайна.

4. В практиках использования устаревших фотоаппаратов можно обнаружить различия, указывающие на определенную логику поведения и обращения со старым фотоаппаратом, в зависимости от отношения к нему.

5. Практики использования устаревших фотоаппаратов зависят от отношения респондента к подобному использованию в целом.

6. Ситуация использования устаревшего фотоаппарата детерминирована смыслами, вкладываемыми в практику.

7. Общие характеристики респондента могут влиять на смыслы, вкладываемые в практики.

Методология нашего исследования была выработана с учетом поставленных в нем специфических задач. Мы применили два метода сбора информации: наблюдение и глубинное интервью. Сначала проводилась серия наблюдений, после чего с теми же респондентами проводились глубинные интервью, в которых обсуждались наблюдения, фотографии, сделанные во время наблюдения, а также ряд общих, контекстных тем.

Поскольку построить основу *выборки* из-за специфичности объекта было невозможно, единственным адекватным данному исследованию методом отбора респондентов был сочтен «метод доступных случаев», когда отбор происходит в тех местах, где гипотетически можно ожидать наибольшего «скопления» респондентов. В нашем случае ими стали фотолаборатории «Фотопроект», различные фотомастерские, а также специализированные сообщества в ЖЖ. Во всех этих местах были размещены объявления с приглашением принять участие в исследовании. В результате было проведено 15 наблюдений и 15 интервью.

Стоит сказать несколько слов о том, как проводился *первичный анализ данных*. Организация нашего исследования имела несколько принципиальных моментов. Прежде всего практики использования старого фотоаппарата были поделены на *фокусные* и *фоновые*. Первые относились ко всем действиям, в которых фотоаппарат играл активную роль (выставление настроек, выбор кадра, съемка и т.д.); вторые же составляли практики, в которых фотоаппарат не играл такой роли (покупка дополнительных приспособлений для съемки, съемка на цифровой фотоаппарат и др.). Фокусные практики выявлялись в ходе наблюдения и обсуждались с респондентами на интервью. Это важно, так как на основе фокусных практик и их объяснений нами был выделен ряд принципов аргументации, анализ которых в совокупности с фоновыми практиками позволил выделить типы взаимодействия фотографа с фотоаппаратом. Эти *типы*, в свою очередь, стали основой для установления

причин обращения к практике использования старых фотоаппаратов (и, соответственно, типов пользователей).

Первый выделенный нами тип получил название «фотохудожники» в силу значительной ориентации, составляющих его респондентов на результат, т.е. на конкретную фотографию. Этим пользователям присущи следующие качества:

1. Продуманное отношение к съемке (придумывание идей съемки, подготовка реквизита/моделей, выбор места/времени и т.д.)
2. Ориентация на то, чтобы фотография вызвала определенные эмоции, отражала некоторую идею/замысел автора.
3. Невнимание к техническим возможностям фотоаппарата и различным сопряженным со съемкой процессам (проявка/печать).
4. Отсутствие ориентации на какие-либо правила выстраивания кадра — все это делается скорее ситуативно и зависит от произвола автора.

Взаимодействия фотографа данного типа и фотоаппарата может быть описано как взаимодействие актора и инструмента. Среди причин использования именно старых механических пленочных фотоаппаратов для реализации своего увлечения респонденты выделяют два аспекта. Во-первых, они видят в пленочных фотографиях особую художественную ценность и не всегда готовы или не могут купить современные пленочные фотоаппараты. Во-вторых, благодаря старому фотоаппарату можно добиться дополнительной художественной выразительности, ощутить эмоции, которые нельзя вызвать с помощью современных фотоаппаратов. Таким образом, *этот тип респондентов использует старые пленочные фотоаппараты ради получения специфического результата, отражающего эмоции, мысли и/или атмосферу.*

Следующий выделенный нами тип — «фототехники». Они в большей степени ориентированы на процесс фотографирования, интересуются самим устройством фотоаппарата, постоянно открывают для себя его новые технические возможности, а также постигают такие смежные с фотографированием технические процессы, как самостоятельная проявка и печать. «Фототехникам» фотография важна как некий видимый результат своих действий, она — тот объект, который позволяет им рефлексивно оценивать степень своих умений и навыков в обращении с фотоаппаратом. Мы пришли к выводу, что причиной обращения «фототехников» к старым фотоаппаратам является *желание реализовать себя и утвердить в качестве «продвинутого» пользователя.* Кстати, все представители этого типа

имеют несколько фотоаппаратов (в том числе и цифровой, причем зачастую зеркальный). Кроме того, они купили себе фотоаппарат специально. Эти два фактора говорят в пользу того, что пользователями данного типа принимается сознательное решение в отношении усложнения процесса фотографирования: они выбирают механическую сложность, как будто проверяют свои силы. Фотоаппарат для таких пользователей является механизмом, позволяющим им буквально «расти» в технических вопросах процесса фотографирования.

Последний из выделенных нами типов условно назван «фотоиспытателями». Для них важен не конкретный результат фотографирования, а сам процесс, но не с технической точки зрения, как у «фототехников», а с точки зрения того, что старые механические фотоаппараты полностью от них не зависят и приводят к непредсказуемому результату. Пользователи данного типа обладают минимальным объемом знаний о необходимых настройках, поэтому для них определяющим является скорее «ответ» фотоаппарата, чем их сознательные действия. Интересно также стремление сблизить оптические возможности человека и фотоаппарата не только в момент съемки, но и в момент поиска кадра. Присутствует и дух экспериментатора, который выражается в том, чтобы придумать такой способ съемки, благодаря которому можно получить еще более неожиданный «ответ» от фотоаппарата.

Таким образом, в данном случае пользователей привлекает спрятанная внутри старых пленочных фотоаппаратов тайна, *которую они не хотят разгадывать, но с которой хотят взаимодействовать*. Для них старый фотоаппарат — это «черный ящик», с которым они могут общаться, не зная, как он им «ответит» в каждый конкретный момент.

Два респондента по своим характеристикам не попали ни в один из типов. Здесь можно говорить лишь об индивидуальных причинах обращения к старым фотоаппаратам, в частности, об отсутствии средств на приобретение более качественной цифровой зеркальной камеры, ностальгии по технической составляющей процесса фотографирования, а также о ярко выраженном интересе коллекционера.

Проведенное нами исследование позволяет сделать ряд любопытных, на наш взгляд, выводов.

1. Выделенные типы пользователей различаются в своей ориентации на *процесс* («фотоиспытатели»), *результат* («фотохудожники») и *механизм* («фототехники»), что отражает все возможные стороны обращения с фотоаппаратом.

2. Для разных типов характерно разное отношение к фотоаппарату. Так, «фотохудожники» используют его лишь как функцию, позволяющую создать то, что требуется;

«фототехники» относятся к нему как механизму, который необходимо понять и превзойти, подчинив собственным желаниям; а «фотоиспытатели» — как к полноценному участнику процесса фотографирования.

3. Представители каждого из трех выявленных типов по-разному используют «старость» фотоаппарата. «Фотохудожники» видят в нем возможность выразить его аутентичность, ценят эффекты пленки; «фототехников» привлекает его механизм, особенное устройство; «фотоиспытатели» любят старые фотоаппараты за их непредсказуемость.

4. Существуют некоторые различия в причинах обращения к старым пленочным фотокамерам в зависимости от марки фотоаппарата. Так, у тех, кто снимает на фотоаппараты иностранного производства (например, Pentax или Nikon), наблюдается склонность к техническому интересу и реализации своих способностей к фотографированию. Скорее всего, специально покупая фотоаппарат иностранного производства, пользователь руководствуется своими знаниями о его технических преимуществах.

5. Выборка данного исследования довольно однородна по возрасту (от 17 до 25 лет), за исключением одного респондента в возрасте 37 лет. Последний не попал ни в один из типов и являет собой коллекционера, для которого это и технический интерес, и ностальгия по включению в процесс, а в целом просто «баловство» и увлечение.

6. Можно с уверенностью утверждать, что *финансовые причины* обращения к старым фотоаппаратам либо отсутствуют, либо второстепенны. Так, «фототехники» тратят на свое увлечение намного больше денег, чем могли бы потратить на дорогие современные фотоаппараты. «Фотоиспытатели» в принципе не заинтересованы в современной фототехнике, их волнует неизвестность в старых фотоаппаратах. О финансовых причинах говорили лишь «фотохудожники», однако даже если они могли бы позволить себе приобрести современную технику, ценность старого механического фотоаппарата для них не потерялась бы.

* * *

Ранее метафункциональные объекты не становились предметом специального изучения социологов. Между тем, как представляется, нам удалось показать их особое место в смысловом поле людей. Метод исследования метафункциональных объектов позволяет ответить на вопрос о причинах их присутствия и о той роли, которую они играют в повседневной жизни человека. Эти причины каждый раз уникальны, поэтому

соответствующие исследования необходимо продолжить, чтобы в перспективе разработать для них какую-то общую теоретическую основу.